

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Э.А. ПАИН

Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России)

Автор откликается на фундаментальные теоретические проблемы, касающиеся причин воспроизводства некоторых имперских черт в политике постсоветской России и развивает свою теоретическую конструкцию “имперского синдрома”. Наибольшее место в статье занимает характеристика особенностей эволюции идеи нации и национализма в России. Это попытка дать ответ на вопрос: почему европейская идея нации затем превратилась в антизападную идею имперского национализма, а также объяснить причины слабости нового, антиимперского русского национализма, проявившиеся после присоединения Крыма к России в 2014 г. Завершается статья анализом политических перспектив русского национализма.

Ключевые слова: национализм, русский национализм, империя, имперский синдром, политические перспективы России

Эволюция представлений о нации и национализме в России

Сочетание русского национализма и имперского сознания способствует формированию в России особого феномена, который может быть назван “имперским национализмом”. Этот термин звучит непривычно, по крайней мере, для западной научной традиции, чаще рассматривавшей национализм как один из факторов, противостоящий империи, разрушающий имперское устройство. В российских же условиях (хотя и не только в них) существует феномен имперского национализма, поддерживающий имперские цели. Он не раз проявлялся, в том числе весьма рельефно продемонстрировал себя в 2014 г. после присоединения Крыма к Российской Федерации. Примечательно, что вторая декада 2000-х гг. начиналась с политических событий, которые (как тогда казалось) предвещали вытеснение имперского национализма новым для России антиимперским русским национализмом, признаки которого я также собираюсь охарактеризовать в данной статье. Этот новый национализм был замечен в условиях кратковременного подъема оппозиционного демократического движения в России в 2011–2012 гг., когда русские националисты приняли участие в политических протестных акциях, а затем почти растерял своих сторонников. Подобные трансформации происходили и раньше. Я постараюсь показать, как в российской истории, по крайней

Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор департамента государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218. E-mail: painea@mail.ru.

мере с начала XIX в., в стране проявлялись чрезвычайный динамизм, высокая вариативность и крайняя неустойчивость идеи нации и национализма.

Со второй половины XIX в. под русским национализмом в России понимали организационно оформленные группы, выражающие идеи национального эгоизма, ксенофобии и великодержавного шовинизма. Такое понимание во многом опиралось на идеи В. Соловьева, изложившего в полемике с поздними славянофилами свое сугубо отрицательное отношение не только к нарождающемуся русскому национализму, но и к самой идее нации, трактуемой им как синоним этнического сообщества. По его мнению, сам “принцип национальностей” есть “низший принцип”, проявление “реакции”, противоречащее “разумному ходу истории”, “попятное движение”, а защищающий этот принцип национализм (под которым понимался только этнический национализм) – явление сугубо разрушительное. Национализм, по мнению Соловьева, возникает вследствие стремления отдельных народов выделиться, противопоставить себя другим народам, обособиться от них. Он был убежден, что “в таком стремлении положительная сила народности превращается в отрицательное усилие национализма” [Соловьев 1901, с. 8–10]. Впрочем, этнические трактовки нации и национализма доминировали в России не всегда. Почти на век раньше появились иные подходы.

Гражданское понятие нации в том виде, в каком оно было отражено в “Декларации прав человека и гражданина” (1789), стало известно российской элите уже в XVIII в. Сразу же вслед за Францией и на протяжении почти 70 лет такая трактовка нации доминировала в России, хотя власти к ней относились по-разному. Из “Декларации” вытекает, что народ – нация, а не монарх является носителем суверенитета (“народный суверенитет”); нация имеет свое представительство в виде национального (народного собрания) и от имени нации провозглашаются и гарантируются права конкретного человека и гражданина.

Эту идею нации как надсословной общности, носителя суверенитета в той или иной форме отстаивали в России дворянские революционеры, требовавшие ограничения самодержавия в России и названные позднее “декабристами”. Декабристов (как защитников идей конституционной монархии, так и апологетов республиканского строя) определяют некоторые исследователи как первых националистов в России [Сергеев 2010]. В такой же гражданской трактовке идею нации использовал в 1797 г. будущий император Александр I (тогда наследник престола), который заявлял, что, став царем, он дарует России конституцию и “нация изберет своих представителей” [Миллер 2012].

Однако между 1790 и 1830 г. в России произошли такие политические события, которые радикально изменили отношение элит к сущности нации и к самому этому термину. Если Александр I восходил на престол с мыслью даровать конституцию “сверху”, чтобы избежать революции “снизу”, то его преемник Николай I начал свое царствование с подавления той самой революции, которую хотел, да не успел упродить его старший брат. При этом восставшие декабристы требовали конституции, провозглашения суверенитета нации и ее представительства. Принятие этих требований казненных бунтовщиков было немислимым для нового императора. А. Миллер отмечает: “После восстания декабристов и польского восстания 1830–1831 годов прежний дискурс о *нации* и *национальном представительстве* как желанной, хотя и труднодостижимой цели, сменился в позиции официальных кругов отрицанием конституции и национального представительства как неуместных для России в принципе” [Миллер 2012]. С этого времени сам термин “нация” подвергался цензуре прежде всего потому, что он неразрывно связывался в сознании читающей публики с национальным (народным) суверенитетом и представительством. Одним из важнейших средств умерщвления этого термина стала его замена и вытеснение другими квазиподобными.

В 1833 г. при вступлении в должность министра просвещения С. Уваров предложил формулу, ставшую знаменитой, – “Православие, Самодержавие, Народность”. По его замыслу, эта триада должна была выступать заслоном на пути европейского

свободомыслия и антитезой другой триаде – “Свобода, Равенство, Братство” – базовым идеям Французской революции, которые, по мнению российских консерваторов указанного времени, органично неприемлемы для русского народа [Вортман 1999]. Главной новацией в формуле Уварова стало понятие “народность”, в честь которой и вся доктрина получила название “официальная народность”. Под ней понималась в первую очередь преданность России собственным **традициям и самобытному пути, противоположному западным моделям** (сейчас аналогичная концепция называется “особый путь России”)¹. “Особый дух” русской народности состоит в преданности православию и самодержавию.

Идея нации в рамках этой доктрины рассматривалась как проявление “вольномудства” и “смутьянства” и именно ей противопоставлялось понятие “народность”, во-первых, как якобы русский термин вместо иностранного – “нация”; во-вторых, как понятие, лишенное какой-либо связи с атрибутами демократии и национального представительства, а напротив, отражающее патерналистскую идею заботы государя о своих подданных. Государь – отец народа, а подданные – его дети, свято почитающие самодержавного отца. Таковы ключевые идеи доктрины “официальной народности” [Вортман 1999].

Однако понятие “народности” плохо приживалось в русском языке и даже в политическом обиходе, поэтому продолжались поиски других разрешенных цензурой терминов взамен крамольного – “нация”. П. Валуев – в молодости писатель-эссеист, а позднее (в 1860-е–1880-е гг.) – один из высших сановников Александра II, еще в конце 1830-х гг. в своем философском эссе “Мысли о национальности” обосновывал необходимость замены понятия “нация” (*la nation*) как сугубо политической категории понятием национальность (*la nationalité*) как сугубо фольклорным, отражающим специфику культуры и обычаев народа [Герштейн 1941]. Со временем понятие “национальность” в России прижилось в том понимании (приблизительно), в каком с середины XX в. в академических кругах стали определять “этничность” или “этническую идентичность” – общности людей, связанных самоназванием (этнимом), субъективным представлением об общем происхождении (этническом самосознанием), а также некоторыми особенностями культуры, закрепленными в межпоколенной трансляции.

Гражданскую трактовку понятия “нация” всячески вытесняли. Тем не менее она сохранялась в языке почти 70 лет и лишь в середине 1860-х гг. нехотя стала уступать свое место новой, сугубо этнической трактовке. Первоначально она имела сугубо негативную коннотацию в словосочетании “национальный вопрос”. Так, в докладах царю министра внутренних дел П. Валуева обозначались угрозы сепаратизма в Польше и Украине [Миллер 2012].

С каждым последующим десятилетием российской истории национальная проблематика все более обретала этническую окраску и при этом трактовалась с позиций эссенциализма как некий набор природных свойств, фатально присущих тому или иному народу (этнической нации). С конца 1890-х гг. российские славянофилы в споре со своими оппонентами западниками стали активно развивать идею Уварова о принципиальных и навеки предопределенных различиях между русским народом и нациями Запада. По мнению славянофилов, “русский народ навсегда отказался от бремени народного представительства в пользу самодержавной монархии” [Миллер 2012]. При этом славянофилы 1890-х гг. отказались от наследия своих предшественников – славянофилов середины XIX в. (К. и И. Аксаковых, А. Кошелева, Ю. Самарина и др.), которые провозглашали оппозиционность к доктрине “официальной народности”, считали ее удушающей творческое начало (“душевредным деспотизмом”, “угнетательской системой”).

Поздние же славянофилы конца 1890-х–начала 1990-х гг. (Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов и др.) активно развивали идеи особого пути России. Именно эта когорта славянофилов стала противопоставлять особенности национального характера русских (терпимость, жажду истины, спонтанность, сердечность, душевность, великодушие, собранность как склонность принимать решения коллективно) обобщенному

¹ Примечательно, что сам Уваров во времена царствования Александра I защищал принципиально иные идеи. В 1819–1821 гг. он был завзятым европеистом, утверждавшим, что Россия должна двигаться вместе с Европой.

образу западного менталитета, которому якобы всегда присущи эгоизм, жадность, лживость, холодная расчетливость [Димбаев 1986, с. 269]. Поздние славянофилы поставили на службу сохранения самодержавия и имперской власти концепцию нации как этнического явления, навсегда приросшего к телу русского народа.

Из кругов поздних славянофилов выросло и то идеологическое течение, которое стало именовать себя “русские националисты” и так же определялось внешними наблюдателями. На мой взгляд, с конца XIX в. и до настоящего времени, сохраняют свое значение несколько важнейших, родовых признаков, характеризующих особенности русского национализма. Это:

– *эссенциализм* – представление об особых извечных культурных свойствах русского народа, принципиально отличающихся от других народов, в частности от народов Западной Европы. Запад всегда выступал в качестве “конституирующего иного” по отношению к русскому национализму;

– *имперский охранительный характер* – служение самодержавию и сохранение империи изначально рассматривались русским национализмом как важнейшие цели их политической активности. Первая легальная партия русских националистов “Союз Русского Народа”, возникшая в 1905 г., в качестве важнейшего положения своей политической программы указала: “Союз Русского Народа... поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства, и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы” (<http://krotov.info/acts/20/1900/1906anti.html>).

– *принцип политического доминирования этнических русских* – соединение идеи защиты империи с требованием в ответ на это предоставления империей преимущественных прав в ней этническим русским – русскому народу, русской нации “Россия для русских”.

Итак, *идея нации появилась в России в конце XVIII в. как один из признаков ожидания просвещенной частью общества революционных перемен. Ее первых защитников, например декабристов, выдвигавших эту идею как источник конституционного порядка, можно было бы на этом основании назвать гражданскими националистами. Однако, если первые русские “националисты” отстаивали ценности народного представительства, то к началу XX в. национализм выродился в одну из самых реакционных политических сил, защищающих самодержавие, имперское устройство России, этническое религиозное и социальное неравенство ее жителей.* Национализм, основанный на указанных принципах, концептуально и организационно сложился в Российской империи в 1900-х гг., а затем, после периода запрета в советские годы, возродился в 1990-х гг. (уже в постсоветской России) первоначально как оппозиционная политическая сила, противостоящая идеям (официально провозглашаемым тогда) модернизации, либерализма, федерализма и толерантности. С начала 2000-х гг. имперский национализм становится политическим попутчиком российской власти. Однако, как уже отмечалось, на волне подъема политических протестов в 2011–2012 гг. ясно проявились черты совершенно нового русского национализма.

Взлет и падение “нового” (“национал-демократического”) русского национализма в 2010–2014 гг.

Признаки этого течения в национализме указанного периода проявились зримо, как в лабораторном опыте, поскольку многие из них целенаправленно конструировались как противоположные традиционному русскому национализму.

Антиимперский характер нового национализма. Переход русского национализма от имперской к национальной идеологии обозначился в первой декаде 2000-х гг.,

как считает один из самых популярных теоретиков “нового” национализма К. Крылов. Русский национализм зародился как имперский, и до конца 1990-х гг. в движении, которое, по мысли Крылова, необоснованно называлось русским национализмом, почти «все сводилось к мечтам на тему “как бы нам обустроить империю”». Национал-демократы продемонстрировали отказ от традиционного для русских националистов империализма и декларировали свои убеждения, что в политическом смысле последовательный национализм противоположен имперской идеологии, отстаивающей не народный суверенитет, а суверенитет повелителя. Национализм, как отмечает Крылов, “считает, что государство – ценность вторичная. Страна существует для народа, а не народ для страны” [Крылов 2010]. Отказ от идеи империи, переосмысление роли государства и общества уже привели немалую часть русских националистов к отказу не только от имперской ориентации, но и от поддержки самодержавной, авторитарной модели управления. «Когда советское государство развалилось, – отмечает Крылов, – все идейно русские силы выступили на стороне коммунистов. И в результате они не смогли выжать из себя ничего, кроме “красно-коричневого синтеза”». Это, по мнению Крылова, и привело “русскую партию” к краху. Ныне же ситуация радикально изменилась и, по его словам, укрепляется представление, что “национализм и демократия – это практически одно и то же”. [Крылов 2010].

Отказ от традиционного этатизма, оппозиционность властям, требования демократизации. Примечательной особенностью нового русского национализма стала его демонстративная оппозиционность по отношению к действующей власти. Обвинения в ее адрес выдвигали почти все идеологи русского национализма, и сводились они к следующему упрекам: в целенаправленном подавлении русского национального движения, а то и всей русской нации; в невнимании к проблемам русского большинства; в нежелании властей бороться с наплывом мигрантов в крупные города. Подобные упреки выдвигались русскими националистами властям еще и в СССР, но тогда они не сочетались у националистов с требованиями демократизации. А вот к концу первой декады 2000-х гг. появились признаки того, что совокупность разрозненных протестных настроений в среде элитарного русского национализма сливается в некий единый поток, на основе которого зарождается новая для России разновидность национализма – “национал-демократия”, противостоящая традиционной и основной ветви русского национализма – “национал-имперской”, которую иногда называют “национал-патриотической”.

Первым признаком того, что позднее назвали *демократическим поворотом* русского национализма, стало формирование в его недрах “антисоветской платформы”. Одним из ярких ее примеров было создание отдельной антисоветской колонны на “Русском марше – 2012”. После этого многие националистические лидеры все чаще в своих выступлениях начали отрешиваться не только от сталинизма, но и от авторитаризма как политического принципа. Результатом этого стало появление на авансцене российской политики национал-демократического движения, которое быстро обратило на себя внимание наблюдателей. Именно его лидеры были ядром националистического крыла оппозиционных митингов в Москве “за честные выборы” в 2011–2013 гг.

Историк Е. Галкина выделяет следующие ключевые отличия национал-демократов от тех, кого она называет “национал-патриотами”: “Нацдемы, как правило, весьма эмоционально винят Советскую Россию в уничтожении крестьянства, традиций самоуправления, в национальной политике, направленной на подавление русской этничности, в диктате государства и тоталитаризме” [Галкина 2012, с. 83]. Сегодня эти претензии адресуются уже Российской Федерации, которая мыслится как прямой наследник Советского Союза. На подобных позициях стоят лидеры Национал-демократической партии – К. Крылов, В. Тор, Р. Антонов, А. Храмов и др. В чем-то похожих взглядов придерживается и В. Соловей – лидер партии “Новая сила”.

На стыке национал-демократии и противоположной ей державно-имперской модели национализма формируются идеи Е. Просвирнина – вдохновителя, создателя и действующего лидера модного националистического интернет-проекта *Sputnik&Pogrom*.

Это одна из самых противоречивых фигур в рядах русских националистов. В своих программных текстах он яростно критикует советский коммунистический режим, метафорически сравнивая его с ночью (“...посреди ясного русского дня внезапно наступила черная коммунистическая ночь”) (<http://sputnikipogrom.com/russia/1011/russianpraying/>), и уделяет больше внимание необходимости демократических перемен на благо этнических русских: “Своим идеалом мы видим русское национальное демократическое правовое государство, с экономической жизнью, построенными на началах законности и свободной конкуренции” (<http://sputnikipogrom.com/mustread/12442/sp-values/> <http://sputnikipogrom.com/history/8307/liberaljuggler/>). Все это сближает Просвирнина с национал-демократическим течением в русском национализме. Вместе с тем антилиберальная риторика большинства текстов *Sputnik&Pogrom*, сквозящая в них идея территориального реванша и экспансии роднит Просвирнина с идеологией основной массы имперских националистов.

Отказ от традиционного антизападничества, подражание западным моделям национализма. М. Ларюэль указывает еще на одну особенность национал-демократического движения – его последовательную апелляцию к опыту западных правых партий, прежде всего к опыту борьбы с нелегальными мигрантами и встраивание идеологом русского национализма в общеевропейский контекст [Laruelle 2013]. Если иметь в виду ориентацию на западные модели национализма, то дальше других в этом направлении и в своей национал-демократической риторике пошли идеологи “Национал-демократического альянса” (НДА) А. Широпаев и И. Лазаренко. Ими отвергается не только советский период истории, но и имперское наследие эпохи Романовых. Они и их сторонники выступают за пересмотр современных федеративных отношений, за создание русских республик.

Все перечисленные фигуры и представляемые ими идейные ручейки национал-демократии, различаясь между собой во многих отношениях, могут быть все же отнесены к одному типу – “несистемного национализма”. Его отличие от массового, доминирующего “системного национализма” проявляется в подчеркнутом стремлении “несистемных националистов” преодолеть в русском национализме ностальгию большинства его адептов по советской эпохе. Советская идентичность в менталитете этнических русских всегда сильно мешала развитию их этнического самосознания. Даже на закате советской эпохи в 1986 г., по данным социологических опросов, 78% русских признавали себя “советскими” и только 15% – русскими. Советская массовая культура была культурой авторитарного сознания и в этом также противоположна ценностями национал-демократии.

Особенно рельефно различия между традиционными советско-имперскими и новыми русскими националистами, представителями их национал-демократического крыла проявились зимой 2013–2014 гг. в период выступления украинской политической оппозиции в Киеве на Майдане. В это время значительная часть национал-демократов в той или иной мере поддержали протестующих на Майдане. Наиболее последовательно это сделал НДА. Его лидер Широпаев назвал события в Киеве “антиколониальной, демократической, европейской (в плане цивилизационного вектора) революцией” [Широпаев 2014]. По его мнению, мы стали свидетелями того, как европейская страна освобождается от власти азиатской империи. С большей осторожностью оценивали события русские националисты, группирующиеся вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали свою поддержку Майдану, видя в нем прежде всего доказательство значительной политической роли этнических националистов в украинском обществе. С таких позиций “Похвальное слово Майдану” написал один из лидеров этой партии – Тор.

Это было демонстративно оппозиционное поведение русских национал-демократов по отношению как к власти, так и к массовому русскому национализму, крайне негативно отнесшемуся к Майдану как прозападному движению. Однако после того, как Крым присоединили к России, ряды оппозиции из числа русских националистов стали быстро редеть. Например, Просвирнин, недавний едкий критик власти, не скры-

вал поддержки ее действий в крымском кризисе и радостно приветствовал вхождение полуострова в состав России. Изменение своей позиции он прокомментировал в одном из текстов на сайте: “И то, что Путин после десятилетий сдачи русских интересов везде и всюду вдруг вспомнил, что Крым – русская земля, вообще-то хорошо... Ругать Путина за то, что он начал выполнять часть нашей программы, как минимум, странно” (http://sputnikpogrom.com/russia/9581/lets-work-for-our-supreme-leader-putin/http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html).

Среди немногих националистических группировок, которые осмелились и тут проявить оппозиционность, наиболее заметной оказался уже не раз упомянутый НДА, который всегда был меньшинством даже в рядах немногочисленной российской национал-демократии. Даже в период наивысшего подъема этого течения его теоретики отмечали, что освобождение русского национализма от советской, имперской идеологии происходит труднее всего и в самую последнюю очередь [Крылов 2010]. После присоединения Крыма к России оказалось, что преодолеть советские, имперские стереотипы не удалось даже национал-демократической элите русских националистов, во всяком случае подавляющему их большинству.

“Имперский синдром” и механизмы его активизации²

Мировая история дает немало примеров так называемых “reverse wave” (обратной волны), или эпох попятных движений, политической реакции. В этом отношении историю России с ее множеством попыток модернизации, сменявшихся длительными периодами политической реакции, нельзя назвать уникальной. Вот и в начале XXI в. в России наблюдается все та же логика возвратных процессов. Эпоха М. Горбачева и Б. Ельцина ознаменовалась стремлением России вновь сблизиться с Западом, как тогда говорили – “вернуться в семью цивилизованных народов”. С начала 2000-х гг., с приходом к власти В. Путина обозначился новый курс. Путин, с самого начала своего лидерства в России и до сегодняшнего дня, транслирует идею особого пути России. В 1999 г., когда в стране еще доминировала идея “догнать Запад”, Путин, будучи премьер-министром, отстаивал во многом иной подход, подчеркивая уникальность российского варианта развития: “Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина не аномалия... а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен” (“Независимая газета”, 30 декабря 1999).

Уже в этих словах можно усмотреть ориентацию на обоснование “особого пути” (*Sonderweg*) развития – идеологического конструкта, не раз использовавшегося имперскими режимами России и Германии в прошлом. Притом Путин говорил это, будучи подчиненным Ельцина. Став главой государства, он все более открыто стал развивать идею о цивилизационных различиях между Россией и Западом, ссылаясь на философа И. Ильина – прямого наследника интеллектуальной традиции поздних славянофилов. Наиболее полно идеи российской уникальности – исторической, культурной и политической – отражены в программном выступлении российского лидера – статье под названием “Россия: национальный вопрос” (“Независимая газета”, 23 января 2012 г.). В ней Россия провозглашается “полиэтнической цивилизацией”, существующей благодаря “единому культурному коду”, суть которого сводится к мессианской роли русских и созданию самого большого в мире государства. В этих рассуждениях отсутствует слово “империя”, как не было его и в официальном советском дискурсе “дружбы народов”, однако обе идеологии, очевидно, являются выражением дискурса имперского порядка³.

² Впервые идея имперского синдрома была изложена мной в 2004 г. [Паин 2004].

³ Защиту тезиса, согласно которому СССР был имперской политией и в значительной мере – продолжением Российской империи, можно найти в работах целого ряда видных исследователей ([Гайдар 2006; Кадио 2010; Ливен 2007; Хоскинг 2001] и др.).

Присоединение к России Крыма – уже не просто открытая установка на пересмотр результатов распада СССР, но практические действия по реализации этой стратегии. Поворот к такой политике России намечился в самом начале 2000-х гг. и тогда же был зафиксирован многими исследователями. С начала 2000-х гг. многие из них обращались к феномену имперского наследия в попытках объяснения очередного срыва процесса политической модернизации и неудач демократических преобразований в России. А. Мотыль, например, отмечал, что основным препятствием на пути к демократии “России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого” [Мотыль 2004, с. 174–175]. Соглашаясь с данным автором в признании значимости влияния “имперского наследия” на современное развитие России, подчеркну и наши разногласия. На мой взгляд, не имеет смысла противопоставлять “дурную наследственность” “дурным политикам” хотя бы потому, что деятельность таких политиков чаще всего и приводит к возрождению или оживлению остатков имперского наследия. Кроме того, метафора “наследие” не дает представления о его содержании. Предлагаю следующую его характеристику, выраженную в категории “имперский синдром”, включающий три основных элемента – “имперский порядок” (или “имперская власть”), “имперское тело” и “имперское сознание”.

“Имперский порядок” (“имперская власть”) – политический режим империи. “Империя, – отмечает Д. Ливен, – по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. **Власть над многими народами без их на то согласия** – вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия” [Ливен 2007, с. 79]. Примерно так же трактует империю и М. Бейссингер, определяя ее как “нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими” [Бейссингер 2005, с. 68]. Е. Гайдар также считал важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно то, что в нем “*imperium* – государственная власть доминировала в организации ежедневной жизни” [Гайдар 2006, с. 18]. Формула – “*власть без согласия народов*” – не обязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии, она лишь показывает, что воля граждан и их ассоциаций, например территориальных сообществ, не имеет значения для функционирования имперского порядка. Власть без согласия народа – это суверенитет повелителя (лат. – *imperator*) в отличие от народного суверенитета в государствах-нациях.

Хороший индикатор имперского порядка – управление провинциями страны с помощью наместников: сатрапов, прокураторов, воевод, назначаемых губернаторов. Создание федеральных округов в России в 2000 г. и лишение жителей российских регионов права выбора их руководителей четыре года спустя – это форма восстановления имперского порядка. Данное решение было сугубо аппаратным, кабинетным, не опиравшимся ни на легитимные процедуры (вроде референдума), ни на широкое общественное обсуждение. Восстановление управления по типу сатрапий обосновывалось ссылками на национальную русскую традицию. И это был не первый в истории России опыт подобной формы легитимации политических решений. Возвращение к выборам губернаторов в 2012 г. не сильно увеличило зависимость глав регионов от населения: они по-прежнему ориентируются не столько на потребности местных жителей, сколько на Кремль, перед которым чувствуют свою ответственность.

“Имперская власть” нацелена на управление и сохранение “*имперского тела*” – территории страны, разделенной на неинтегрированные в культурном отношении регионы, сохраняющие исторические следы колониальных завоеваний и постоянного освоения завоеванных просторов [Эткинд 2013]. Помимо “вертикальных” хозяйственных связей, следы колониальных завоеваний заметны прежде всего в ареалах компактного расселения колонизированных этнических общностей, элиты которых до сих пор оперируют в своем дискурсе оппозицией “мы и Россия”, вне зависимости от того, имели ли эти народы в прошлом свою государственность. Впрочем, не только территории с преобладанием этнических меньшинств, но и все так называемые “субъ-

екты Российской Федерации”, включая области с преимущественно русским населением, – это фактически части “имперского тела”. В действительности они лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, “вертикали власти”, а не добровольного согласия и осознанной заинтересованности в интеграции.

Наконец, “*имперское сознание*” включает в себя сложный комплекс традиционных стереотипов массового сознания, например подданническое сознание [Almond, Verba 1963], сохраняющее устойчивые этатистские ценности, надежды на “мудрого царя” и “сильную руку”, а также имперские амбиции по отношению к внешнему миру. Элитарные разновидности “имперского сознания” в первую очередь связаны с геополитическим эссенциализмом, выражающимся в двух взаимосвязанных представлениях: во-первых, о российской “уникальной цивилизации”, навечно сохранившейся в “русской душе”; во-вторых, о постоянной угрозе этой “цивилизации” со стороны “цивилизации Запада”. Эта старинная идея, известная с начала XIX в., вновь стала набирать популярность с середины 1990-х гг. в интеллектуальных и окол властных элитарных кругах, приводя их к тем же выводам, что некогда графа Уварова, а именно: для защиты от внешнего врага нужен сильный правитель – император – и собственная система ценностей, основанная на патернализме и антизападничестве. Сегодня концепцию принципиальных различий в интересах и ценностях России и Запада, а также идею необходимости реанимации имперского порядка для отражения “западной угрозы”, развивают профессиональные пропагандисты и идеологи, такие как члены “Изборского клуба”, созданного в 2012 г. под председательством А. Проханова.

Элементы “имперского синдрома” не просто взаимосвязаны, но и обеспечивают взаимную устойчивость всей конструкции, выступая условием ее воспроизводства. Вот лишь некоторые варианты такой взаимосвязи. С одной стороны, пока сохраняется “имперское тело”, живы и страхи его разрушения. Такие страхи приняли наиболее массовый характер после распада СССР. Впрочем, это произошло не сразу, не в 1991 г.; страхи “возвращались” из прошлого постепенно, на протяжении всего последнего десятилетия XX в. (К этому обстоятельству обратимся чуть позже.) С другой стороны, пока существуют страхи разрушения или захвата “имперского тела” внутренними или внешними врагами, воспроизводятся и надежды на “сильную руку” и “мудрого царя”. Наконец, размер “имперского тела” порождает великодержавные амбиции. По мысли неоевразийцев, идеи которых слышны и в речах представителей нынешней политической власти России, не может страна с самым большим “телом” на свете не иметь особой геополитической роли в мире, не претендовать на статус Великой державы. Знаменитый постулат этой группы идеологов гласит: “географический рельеф как судьба”.

Существует множество способов активизировать взаимодействие в цепь: “имперское тело–имперское сознание–имперская власть”. Выделю лишь тот аспект этой проблемы, который связан с возрождением “имперского сознания”. На мой взгляд, он не является имманентно присущим массовому сознанию всего населения России или хотя бы менталитету русских. *Имперское сознание оживает только в случае, если его сознательно активизируют, реконструируют заинтересованные политические силы, опирающиеся при этом на благоприятные для себя условия, например усталость народа от реформ.*

Этапы реконструкции имперского сознания: от советского – к имперскому

Постсоветская Россия – наглядный пример того, как обществу буквально навязывалось “имперское сознание”. В 1992–1994 гг. на политической сцене России уже появились политический силы, которых А. Кара-Мурза назвал “жесткими государственниками-реставраторами”. В это время они активно выдвигали триединое требование: возрождения СССР, объединения разделенного русского народа и защиты

русских соотечественников, брошенных на произвол судьбы в новых независимых государствах. Лидер российский коммунистов Г. Зюганов тогда патетически взывал к чувствам русских людей: “Без воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен” [Зюганов 1994, с. 22]. Но эти пламенные речи не имели отклика в массовом сознании. Социологические опросы 1993 г. не выявили у россиян ни малейших признаков сожалений о распаде страны и тяги к ее объединению. Например, только 16% россиян в то время заявляли, что их жизнь в значительной мере связана с другими республиками бывшего СССР. При этом у русских актуальные связи с другими республиками были менее значимыми, чем у респондентов других национальностей, многие из которых, возможно, были выходцами из других республик бывшего Союза. Лишь 9,3% русских и 12,9% представителей других национальностей заявляли, что они ощущают “свою общность с людьми и историей этих республик” (речь шла о союзных республиках). И даже простой интерес к территориям за пределами России был тогда невысок. К Украине интерес был выше, чем к другим республикам, но и к ней проявляло внимание меньшинство – только 21% русских респондентов [Паин 2004, с. 75].

К 1993 г. появился Конгресс русских общин (КРО), который стремился превратить многомиллионную русскую диаспору в новых государствах – бывших республиках СССР в мощную политическую силу, в орудие русского ирредентизма, то есть объединения русского мира вокруг России. И каков был результат? Ничего похожего на **венгерский ирредентизм** (например, присоединение Северной Трансильвании); **греческий ирредентизм** (энозис) или **румынский ирредентизм** (Великая Румыния). Ничего, даже отдаленно напоминавшего по мощи указанные ирредентистские движения, на территории СНГ тогда не проявилось. Ирредентизм считается в теории одним из ярких признаков имперского национализма и имперского массового сознания. Так вот, в 1990-е гг. эти свойства больше проявлялись у названных мной народов, например сербов и румын, чем у русского.

Можно утверждать, что жесткие государственники, имперские националисты до середины 1990-х гг. ссылались на “волю народа” без малейшего на то основания. В начале 1990-х гг. 60% опрошенных социологами под руководством Ю. Левады рассматривали Запад как модель для подражания, имея в виду ее политическую систему, рыночную экономику и образ жизни. Прошло время, и к 1995 г. стали все более ощущаться трудности переходного периода, нарастала усталость от реформ и ошибок в их проведении, вот в это время как раз и стали изменяться массовые настроения. Тогда процесс эрозии позитивного образа Запада только начался, а к 2000 г. оценки начала 1990-х поменялись на противоположные. В 2001 г. 67% опрошенных в России указали, что западный вариант общественного устройства в той или иной мере не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни русского народа [Дубин 2003, с. 150].

Радикальность социально-экономических перемен в России в 1990-е гг. была ниже, чем, например, в Польше или странах Балтии. По крайней мере, отраслевая структура экономики России и состав ее менеджмента меньше изменились. Однако у названных соседей России психологическая болезненность от шока перемен смягчалась желанием войти в Европу. Считалось, что ради этой самостоятельной и важной цели можно было потерпеть дискомфорт и преодолеть болезни роста. В России такого защитного механизма в народном сознании не было: движение в Европу не являлось самостоятельной целью, напротив, эта идея сама зависела от нескольких других. Важнейшую роль в восприятии вестернизированных реформ играло отношение к социализму и к СССР. В 1989–1992-х гг. более половины россиян поддерживали идею “социализм завел нас в тупик” [Паин 2004, с. 73]. Примерно такая же доля респондентов поддерживали аналогичную идею в Польше 1980-х гг., но там подобные настроения специально оберегали, на их сохранение работали музеи социалистического быта, подавлявшие желание вернуться в социализм, фильмы А. Вайды и едва ли не вся польская литература. В России ничего похожего не было, и к 1995 г. стал популярным другой тезис:

“социализм был не так уж плох, плохи были его лидеры”, а к началу 2000-х гг. были реабилитированы и лидеры.

В этом отношении показательны перемены отношения к образу И. Сталина. Во второй половине 1980-х гг., в период начала общенациональных социологических опросов в СССР, Сталин не попадал в списки выдающихся деятелей и был фигурой, постоянно подвергаемой в перестроечных медиа жесточайшей критике. В 1991 г., в новой постсоветской России отношение к нему в массовом восприятии лишь ухудшилось. Тогда менее 1% опрошенных первым в России социологическим центром ВЦИОМ посчитали, что о нем будут помнить через 10 лет. Подавляющее же большинство респондентов были уверены, что его скоро просто забудут. Однако данный прогноз не сбывся: менее чем через 10 лет тот же социологический центр зафиксировал, что Сталин по данным опросов общественного мнения лидирует в списке самых выдающихся руководителей российского государства всех времен. Показательно, что третью строчку в этом рейтинге занимал Ю. Андропов (коммунистический лидер СССР 1982–1984 гг., а до этого многолетний глава КГБ), который так же, как и Сталин, воспринимался массовым сознанием россиян как сильный авторитарный администратор – “железная рука” [Дубин 2003].

После десяти трудных лет, привыкания к новой социальной и экономической среде у многих россиян возродились привычные советские стереотипы, связывающие в сознании стабильность исключительно с авторитарным правителем. Но еще важнее, что эти патерналистские стереотипы навязывались массам российской политической элитой, которая не только морально реабилитировала Сталина, но и активно его рекламировала. Приведу лишь несколько примеров. К 55-летию Победы над фашизмом 9 мая 2000 г. в Кремле была открыта мемориальная плита в честь героев Второй мировой войны. Список открывала фамилия Сталина. В том же году были выпущены юбилейные медали, на которых также был выбит портрет Сталина. В поздравительной речи к Дню победы в 2000 г. президент России Путин обратился к согражданам со словами “братья и сестры”, которые памятно по радиообращению Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г. Наконец, комментируя по телевидению праздничные события того же дня в 2000 г., известный кинорежиссер Н. Михалков призвал вернуть городу Волгограду его прежнее имя Сталинград [Дубин 2003]. И именно в 2002 г., впервые за 15 лет социологического мониторинга, распад СССР был оценен респондентами в качестве главного и самого драматического события всего этого периода.

Вслед за изменением взглядов на социализм и Советский Союз быстро стали меняться и представления о врагах России. В СССР Запад рассматривался не только как геополитический противник, но и как классовый враг, компромисс с которым невозможен, поскольку классовые противоречия, согласно марксистской доктрине, носят антагонистический характер. Единственным временем, когда политическая элита СССР, а затем и России провозгласила лозунг возвращения в “семью цивилизованных народов”, “в Европу”, был период с конца 1980-х до начала 1990-х гг. Массовое сознание тогда весьма активно поддержало эту политику, и в России доминировала идея: “*Зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих*”. Но по мере возвращения советского в культуре России стали оживать и советские стереотипы массового сознания. Первыми вернулись страхи, фобии, образы врага. В 1991 г. только 12% опрошенных считали Запад (прежде всего США) своим врагом, в 1994 г. – уже 41%, а в 1999 – больше двух третей респондентов – 65% [Гудков 2002, с. 132–133]. В 2014 г. после событий на Украине отношение основной массы россиян к Западу стало почти тотально враждебным. Опросы “Левада-Центра”, проведенные в июле–августе 2014 г., показали, что отношение к США как плохое оценили 74% респондентов – максимум за все время наблюдений. Почти две трети опрошенных (60%) негативно воспринимают страны Евросоюза. Более половины россиян (52%) объясняют стремление Украины к сближению с Европой тем, что “Украина стала марионеткой в руках Запада и США, проводящих антироссийскую политику” (<http://www.levada.ru/06-08-2014/otnoshenie>

rossiyan-k-drugim-stranam; [http:// www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii](http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii)).

Рост фобий к Западу не связывался в массовом сознании с возрождением советских черт в жизни России. Произошедшие перемены россияне объясняют несовместимостью цивилизаций России и Запада: “Вот мы изменились, стали демократией, а Запад нас по-прежнему не любит – это их природная русофобия”.

В России вначале вернулось советское сознание (конец 1990-х гг.), а уже затем постепенно была реабилитирована идея империи в ее досоветской редакции. Дело в том, что в Советском Союзе термин “империя” имел сугубо негативную коннотацию. Авторитетный историк советской национальной политики Т. Мартин приводит документальные доказательства своего вывода о том, что “Ленин и Сталин очень хорошо осознавали опасность, которую несло клеймо империи в век национализма”, поэтому советские лидеры никогда не называли СССР империей [Martin 2001, p. 19]. И нынешнюю Россию ее власти до сих пор упорно именуют федерацией, хотя она все больше обретает черты имперского устройства. Советским людям внушали, что империя – это “плохо”, это “тюрьма народов”, это режим, против которого боролся великий Ленин, а империализм – последняя стадия разложения капитализма. Тем удивительнее реабилитация в стране термина “империя” в начале XXI в.

Примечательно, что в 2000 г. в разных издательствах России вышли романы, написанные в жанре “антиутопии” (проза в стиле Дж. Оруэлла, описание современности под видом событий будущего) и посвященные России как империи. Во-первых, тут показателен сам интерес к жанру антиутопии, который иногда называют жанр “зашифрованного языка”. Во времена Горбачева и Ельцина у россиян не было спроса на такую литературу. Напротив, после долгих лет жизни за “железным занавесом” изголодавшаяся по правде постсоветская публика буквально набрасывалась на литературу, отражающую актуальные проблемы. Наиболее популярной была публицистика Ю. Буртина, В. Коротича, Н. Шмелева, Ю. Черниченко и др.

Во времена Путина, как и во времена Сталина, появилась необходимость зашифровывать мысли о современности.

Во-вторых, поражает, что во всех романах отразилось *предчувствие возрождения в России имперского порядка*. В одном из них прямо говорится о России как об империи; в других используются вымышленные названия: “Славянский Союз”, “Империя Ордо-Русь” или “Империя Гесперия”, столица которой называется Москвой. Время действия отмеченных романов обозначено по-разному: у Э. Геворкяна (“Времена негодяев”) время указано точно – 2014 г., в других менее определенно – как первое двадцатилетие или тридцатилетие нынешнего века. Несколько позже, в 2006 г. вышла знаменитая ныне антиутопия В. Сорокина “День опричника”. Эта книга по замыслу писателя должна была стать предостережением о судьбе, которая ждет Россию в случае продолжения текущего политического курса. Ее действие происходит в России 2027 г., отгороженной от остального мира Великой Русской Стеной, по аналогии со стеной, окружавшей средневековую Китайскую империю, и хорошо символизирующую нынешнюю (2014 г.) изоляцию России в мире.

Ни один из этих романов не мог служить делу популяризации империи, поскольку там всюду образ империи был представлен крайне непривлекательно, отталкивающе, а порой и ужасающе. Например, в романе “Дело жадного варвара” (Хольм Ван Зайчик) Россия изображена полностью поработанной Китаем, русский народ ассимилирован, а русский язык забыт и вытеснен китайским. От России остался лишь государственный гимн, текст которого был слегка изменен: в нем говорится о Союзе улусов вместо прежнего Союза республик.

Писатели в романах передали свой страх перед надвигающимся тоталитаризмом. Они раньше социологов ощутили в российском обществе перемены, прежде всего массовый спрос на стереотипы имперского сознания, которые целенаправленно активизировались с конца 1990-х гг., а ныне широко эксплуатируются в целях самосохранения авторитарных сил и реанимации имперского синдрома. Один из героев романа

“Времена негодяев”, написанного в 2000 г., так излагал национальную идею России на 2014 год: “Только большая страна сможет в будущем победить своих врагов”. Затем герой поправил себя: “Не большая, а великая... Великую страну делают великие люди... Великих людей собирает великий правитель...”. Не уверен, что президент Путин читал эти строки, но его знаменитый лозунг: “Россия будет либо великой, либо ее не будет вообще” и без того является обобщением стереотипов массового сознания⁴.

Лишь к концу первой декады 2000 г. в политическом дискурсе так называемых “национал-патриотических” или “красно-коричневых”) сил России (А. Дугин, А. Проханов, М. Юрьев и др.) стало модным использовать слово “империя” для обозначения как былого советского величия и порядка, так и желаемых перемен в будущем. Но больше других в популяризации империи постаралась и преуспела бизнес-реклама. Ее усилиями мотивы империи постепенно стали входить в массовую культуру, а затем и в массовое сознание. Самые популярные сорта русской водки во многих регионах России получают названия “империя”, “имперская”. Бизнес-класс в некоторых российских авиакомпаниях переименовали в класс “империал”. А дальше термин “империя” стал символом чего-то очень хорошего, постоянно мелькая в словосочетаниях типа – “империя вкуса”, “империя духа”. Империя начала воспеваться на эстраде, в кино, литературе. В художественных произведениях она почти всегда выглядела привлекательно, “красиво”, иногда даже “шикарно”, как парад войск царя Александра III на Кремлевской площади в кинофильме Н. Михалкова “Сибирский цирюльник”. Имперский стиль стал доминирующим в архитектуре и градостроительстве.

Имперское сознание, реконструированное и активизированное в середине первой декады 2000-х гг., утвердившись, стало оказывать заметное влияние на политическую жизнь, обуславливая спрос на типаж популярных политических деятелей и их дискурс. *Реконструированный традиционализм в сочетании с относительно устойчивыми особенностями географии, хозяйства, культурных традиций страны – все это оказывает влияние на воспроизводство “имперского синдрома”, который, в определенной мере, ныне формирует русло политического творчества в России, обуславливая высокую вероятность воспроизводства имперских черт в политике нашей страны.*

Политические перспективы русского национализма

В условиях нынешнего этапа развития России, ее бурной ретрадиционализации и почти тотального единения русских националистов с властью возникают вопросы о судьбе этого течения. Ныне имперский национализм становится не только политическим попутчиком российской власти, но и ее основной социальной базой, выразителем доминирующей политической доктрины властной элиты. Массовые слои имперских националистов с большим воодушевлением восприняли факт присоединения Крыма к России. Отброшены все разногласия с властью. По мере идейного сближения с властью теряется специфика имперского национализма как самостоятельного движения, быстро падает и его привлекательность для потенциальных адептов, что может привести к оттоку из националистических движений его членов. Многие из них теперь имеют возможность реализовывать свои политические интересы под покровительством власти, не называя себя националистами – термином, имеющим с советских времен в России весьма негативную коннотацию. Негативное восприятие термина “национализм” лишь усилилось в 2014 г. после того, как российская пресса с небывалой интенсивностью стала освещать смену власти на Украине как националистический и фашистский переворот.

⁴ Эта фраза постоянно повторяется как путинская, но она приписывается Путину с чужих слов: “Каж-дому из нас по сердцу слова нашего Президента: Россия может быть либо великой, либо никакой”, – сказал А. Дугин, выступая на Всемирном русском народном собрании, прошедшем 13–14 декабря 2001 г. в Москве. Опровержений этим словам не было.

Лишь на какой-то миг, по историческим меркам, могло показаться, что у имперского национализма есть шансы на самостоятельное развитие и даже на особую роль сверх консервативной или суперреакционной оппозиции по отношению к нынешней власти. Такие представления появились в середине 2014 г. в связи с ростом общественной популярности ополченцев Донбасса у российских респондентов. По данным ВЦИОМа, подавляющее большинство респондентов в России (85%) оценивали донбасских ополченцев с различными оттенками позитивности и лишь 8% относятся к ним негативно. При этом абсолютное большинство опрошенных (89%) воспринимали комбатантов как защитников этнических русских, права которых на Украине нарушаются (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114905>). Такое мнение было сформировано российскими СМИ, они же обеспечили чрезвычайную популярность лидерам вооруженных формирований. Во влиятельном среди националистически ориентированных масс издании “Свободная пресса” в июле 2014 г. серьезно обсуждался вопрос, не составит ли И. Стрелков (Гиркин), который тогда был военным руководителем ополченцев, конкуренцию Путину.

Это предположение было изначально крайне слабо аргументировано, поскольку российские власти всегда имели возможность перенаправить имперско-националистический подъем в свою пользу, а уж нейтрализовать потенциальных конкурентов, полностью зависимых от Кремля, и вовсе не составляло проблемы. Уже 7 августа 2014 г. И. Стрелков, А. Бородай, В. Болотов и некоторые другие известные лидеры донбасского сопротивления были удалены из Донбасса. С этого момента их популярность стала таять еще быстрее, чем раньше росла. 4 ноября 2012 г. на один из двух альтернативных “Русских маршей” (“Марш за Новороссию”), на который приглашение распространяли от имени Стрелкова, пришли едва полторы тысячи человек – вдвое меньше, чем на альтернативный марш в Люблино и несопоставимо меньше, чем на официальную демонстрацию по случаю “Дня народного единства”.

Властям России всегда удавалось последовательно разрушить крупнейшие организации русских националистов, которые в разные годы претендовали на роль ведущей силы и объединителя националистических партий и движений в России. В 1990-е гг. это было общество “Память”, затем Общероссийское общественное патриотическое движение “Русское национальное единство” (РНЕ). В начале 2000-х гг. власти сумели расколоть, обезглавить и поставить вне закона движения наци-скинхедов, а к 2011 г. – “Движение против нелегальной иммиграции” (ДПНИ). Националистам до сих пор не удается преодолеть идейные расколы и противоречия, существующие между разными течениями внутри движения: левыми и правыми, красными и белыми. Власти используют эту идейную многоукладность и эклектику русского имперского национализма, успешно раскалывая его. Вот и ныне на “марше за Новороссию” портреты полковника ФСБ Стрелкова соседствовали с портретами конкурирующего лидера этого движения, полковника ГРУ Г. Квачкова; здесь же портреты Сталина оттенялись портретами тех белых генералов, с которыми он воевал. В противоположность самочинному националистическому движению провластные силы организованы “сверху”, на их стороне российские средства массовой пропаганды. Никто из представителей национал-имперских сил не может политически конкурировать с Путиным, который фактически развивает идеи “официальной народности”, добавляя к идее об особом пути России еще и концепцию защиты “Русского мира” на территориях, ранее входивших в состав Российской империи. Он выглядит единственным реальным лидером имперского национализма в условиях обострения массовых предрассудков об извечной враждебности Запада по отношению к России.

Итак, при оценке перспектив русского национализма первый из моих выводов сводится к тому, что *имперский национализм*, ориентирующийся на территориальную экспансию и жесткий авторитаризм во внутренней политике может быть идеологией действующей в России власти (и то лишь на какое-то не очень протяженное время), но у него нет перспектив для самостоятельного развития в качестве самостоятельного движения.

Второй вывод состоит в том, что самодеятельное националистическое движение в России в ближайшее время *все же будет развиваться, но как оппозиционное действующей власти на основе антиимперской и продемократической идеологии*. Лидеры, пусть и крайне малочисленного пока национал-демократического ручейка в русском национализме, хорошо понимают фундаментальное отличие национализма от имперской идеологии и политики. Вероятность их полного отступления от своих принципиальных позиций невелика даже в условиях, когда значительная часть представителей этого движения поддержала власть по “крымскому вопросу”. Дело в том, что весь политический доход от лозунга “Крым наш” уже исчерпан, все яснее проступают убытки от него, прежде всего в экономической сфере, которые постепенно перерастут в психологические издержки этой акции, а затем и в политические. Донецкие республики начинают напоминать Приднестровье, политический статус которого не признается даже Россией. Вот и по отношению к ДНР и ЛНР уже действует принцип: “Мы вас уважаем, но не признаем” – такова официальная позиция российских властей⁵. В таких условиях самодеятельные движения русских националистов вновь обращают основное внимание на внутреннюю политику, и здесь сразу же проявляются их разногласия с властью и с имперским национализмом. Весьма показательна в этом отношении критика популярными среди русских националистов блогерами заявлений Стрелкова по поводу выступлений М. Ходорковского о статусе Крыма. Так, Просвирнин в ответ на эти заявления Стрелкова разразился язвительной статьей, в которой своего недавнего кумира, еще месяц назад величаемого им национальным героем (“Суворовым современности”), называет его подлинной фамилией Гиркин и характеризует как начинающего политолога, подражателя Дугину, призывая не держать русских националистов за дураков: «...вы живете в гиперинформационном обществе XXI века, все предыдущие два года, с упоением изучавшим состав активов знаменитого кооператива “Озеро”, поэтому ваши заходы про гнетущих Евразиюшку Ротшильдов это такой... детский сад, что у меня даже нет слов, чтобы все это выразить. 20 лет назад это бы сработало, но 20 лет назад были 20 лет назад, с тех пор немножко народился городской русский средний класс. Мы... для которых ваши рассказы про Ротшильда и товарища Путина, который “ничего не знал”... это дикость! Мы... желающие жить в русском национальном государстве, где есть права человека, нет олигархов и где власть подотчетна обществу, а рассказы про мировое жидомасонство... глубокая маргинальщина» (<http://sputnikipogrom.com/russia/22931/fuck-me-sideways-and-call-me-sally/#.VE93OfmsUrZ>).

В России назревает социально-экономический кризис как по внутренним причинам, так и вследствие усиливающейся международной изоляции России. Это уже вызывает новое политическое размежевание в стране, которое будет лишь нарастать. В этих условиях весьма вероятно усиление давления властей на все самоорганизующиеся идеологические группировки, в том числе и на организации национал-демократов. К тому же их оппозиционность буквально предопределена неизбежным ростом спроса на лозунги “защиты русских в России”. Российская власть неоднократно объявляла о своем праве защищать русских за пределами России, но положение русских во многих республиках Российской Федерации явно не лучше того, чем оно было в бывшей украинской Республике Крым. Так, нарастают требования защитить права русских на представительство в органах власти и на защиту русского языка в системе образования в республиках РФ, например в Татарстане. С этими требованиями уже выступают правозащитники, в том числе и организации русского национал-демократического направления в Поволжье, Сибири и особенно на Северном Кавказе. Дальнейшее обострение межэтнической напряженности, связанной с притоком мигрантов,

⁵ МИД: Россия уважает волеизъявление жителей юго-востока Украины (<http://ria.ru/world/20141102/1031477177.html/>); Кремль сказал, что “уважает” выборы в Донбассе, но не признает (<http://rus.delfi.com/daily/abroad/kreml-skazal-chto-uvazhaet-vybory-v-donbasse-no-ne-priznaet?id=70107845>).

при обвальном падении уровня толерантности в российском обществе также будет стимулировать оппозиционность русского националистического движения.

В будущих политических коллизиях, скорее всего, восстановится блок либерал-демократов и национал-демократов, которые станут выступать в качестве политической оппозиции как властям, так и поддерживающим их имперским националистам. Однако такой союз может быть только в узкой зоне совместных интересов, ведь большая часть русских националистов, включая и национал-демократов, стоит на основе этнического национализма, неизбежно сопровождающегося шовинизмом и ксенофобией. Эти явления принципиально неприемлемы для либеральных сил.

Из всех националистических организаций только “Национал-демократический альянс” (НДА) сделал шаг к переходу от этнического национализма к гражданскому. Его лидеры публично заявили об отказе НДА от базового требования русских этнических националистов о “провозглашении государствообразующей нации в России”. Более того, один из них заявил: “С нашей точки зрения, Россия должна идти по пути Евросоюза и в итоге образовать с ним единую общность” [Лазаренко 2013]. Но такие идеи пока чужды массе русских националистов, да и российскому обществу в целом. Последнее не различает разновидности национализма – имперский; этнический антиимперский; гражданский. Идея гражданской нации не имеет поддержки даже в среде либеральных сторонников модернизации. Однако и сама модернизация России, пока рассматривается ими как мечта, некий недостижимый идеал. Вот когда модернизация из теоретической идеи станет актуальной проблемой, войдет в политическую повестку дня России, тогда и станет возможным осознание роли и значения концепта гражданской нации и понимание фундаментальной формулы Д. Растоу о том, что у политической модернизации в направлении к демократии есть *“единственное предварительное условие – наличие национального единства”* [Растоу 1996].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейссингер М. (2005) Переосмысление империи после распада Советского Союза // *Ab Imperio*, № 3. С. 35–88.
- Вортман Р. (1999) “Официальная народность” и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIS* Вып.3 Культурные практики и идеологические перспективы М.: ОГИ, с. 233–244.
- Гайдар Е.Т. (2006) Гибель империи. Уроки для современной России // М.: РОСПЭН.
- Галкина Е. (2012) Национально-культурное строительство в СССР и постсоветский мир. – СССР: жизнь после смерти. М.: Изд-во НИУ ВШЭ.
- Герштейн Э.Г. (1941) Лермонтов и “кружок шестнадцати” // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. М.: ОГИЗ. С. 77–124.
- Гудков Л. (2002) Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В. С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: “Наука”.
- Дубин Б. (2003) Сталин и другие: фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Лекции на Политру (<http://polit.ru/article/2003/02/26/585074>).
- Зюганов Г. (1994) Драма власти. М.: “Палея”.
- Итоги предшествующих годов глазами россиян (по материалам ежегодника “Общественное мнение-2002”. М.: ВЦИОМ.
- Кадио Ж. (2010) Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение.
- Крылов К. (2010) Лучшие демократы получают из бывших фашистов. 10 мая 2010 (<http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>).
- Лазаренко И. (2013) Выступление в дискуссии X Старовойтовских чтений. Москва, НИУ ВШЭ. 20.11.2013 (<http://www.kennan.ru/index.php/Sobytiya/Starovojtovskie-chteniya/Desyatye-Starovojtovskie-chteniya/Diskussiya>).
- Ливен Д. (2007) Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М.: Европа.
- Миллер А. (2012) История понятия “нация” в России // *Отечественные записки*. № 1 (<http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>).

Мотыль. А. (2004) Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ.

Пайн Э.А. (2004) Между империей и нацией. М.: Новое издательство.

Растои Д.А. (1996) Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. № 5.

Сергеев С. (2010) Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. № 2. С. 78–118 (http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8624-vosstanovlenie-svobody.html).

Соловьев В.С. (1901) Национальный вопрос в России. Вып. 1. 1883–1888 / Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. V. 1883–1897. СПб.: Издание товарищества “Общественная польза”. С. 1–137.

Хоскинг Д. (2001) Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич.

Широпаев (2014) А. Об Украине и исторических связях // Русская Фабула (<http://rufabula.com/articles/2014/01/31/about-ukraine-and-historical-ties>).

Цимбаев Н.И. (1986) Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: МГУ.

Эткинд А. (2013) Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение.

Almond G., Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, Princeton University Press.

Laruelle M. (2013) Alexei Navalny and challenges in reconciling “nationalism” and “liberalism” // *Post-Soviet Affairs* (http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1060586X.2013.872453#.U1B_s1V_vAQ).

Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.

Imperial nationalism: emergence, evolution and political prospects in Russia

E. PAIN*

* **Pain Emil** – doctor of politics (DSc), professor of the Department of State and Municipal Management of the National Research University – Higher School of Economics, leading staff scientist of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 24/35, hous. 5, Krzhizhanovsky st., Moscow, 117218, Russian Fedration. E-mail: painea@mail.ru.

Abstract

The author responds to fundamental theoretical problem about the reasons for the reproduction of some imperial characteristics in the politics of post-Soviet Russia and proposes his theoretical construct – ‘imperial syndrome’. The bulk of the article addresses the specific characteristics of the evolution of the idea of the nation and nationalism in Russia. It attempts to answer the question of why the European idea of the nation, subsequently turned into an anti-western concept of imperial nationalism. The article ends with an analysis of Russian nationalism’s political prospects.

Keywords: nationalism, Russian nationalism, empire, imperial syndrome, the political prospects of Russia.

REFERENCES

Almond G., Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Bessinger M. (2005) *Pereosmislennie imperii posle raspada Sovetskogo soyuz* [Rethinking Empire after the collapse of the Soviet Union]. *Ab Imperio*, no. 3.

- Симбаев Н.И. (1986) *Slavyanofilstvo. Iz istorii russkoy obschestvenno-politicheskoy misli XIX veka* [Slavophilism. From the history of Russian social and political thought of the XIX century]. Moscow: MGU.
- Дубин В. (2003) *Stalin i drugie: figuri visshey vlasti v obschestvennom mnenii sovremennoy Rossii* [Stalin and others: the figure of supreme power in the public opinion of modern Russia] (<http://polit.ru/article/2003/02/26/585074>).
- Еткінд А. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opit Rossii* [Internal colonization. Imperial Russia's experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Галкина Е. (2012) *Nacionalno-kulturnoe stroitelstvo v SSSR i postsovetskiy mir. SSSR: Zhizn posle smerti* [National-cultural construction in the USSR and post-Soviet world. – USSR: Life after death]. Moscow: Izd-vo NIU VSHE.
- Гайдар Е.Т. (2006) *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [Fall of the Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSEN.
- Герштейн Е.Г. (1941) Лермонтов и кружок шестнадцати [Lermontov and “circle of sixteen”]. *Zhizn i tvorchestvo M.YU. Lermontova.* [Life and works of Mikhail Lermontov] Moscow: OGIS, pp. 77–124.
- Гудков Л. (2002) *Russkiy neotraditsionalizm i soprotivlenie peremenam* [Russian neotraditionalism and resistance to change]. *Multikulturalizm i transformatsiya postsovetskiy obschestv* / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тихкова [Multiculturalism and transformation of post-Soviet societies / ed. V.S. Malakhov and V.A. Tikhov]. Moscow: Nauka.
- Хоскинг Д. (2001) *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: the people and the Empire (1552–1917)]. Smolensk: Rusich.
- Кадью З.Н. (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940* [Lab Empire: Russia /USSR, 1860–1940] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Крилов К. (2010) *Luchshie demokrati poluchayutsya iz bivshih fashistov* [Top Democrats are obtained from former fashistov] (<http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>).
- Ларуэлл М. (2013) *Alexei Navalny and challenges in reconciling “nationalism” and “liberalism”* // Post-Soviet Affairs (http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1060586X.2013.872453#.U1B_s1V_vAQ).
- Лазаренко И. (2013) *Vstuplenie v diskussii X Starovoytovskiy chteniy* [Speech in the debate X Starovoytovskiy readings]. Moscow (<http://www.kennan.ru/index.php/Sobytiya/Starovoytovskie-chteniya/Desyatye-Starovoytovskie-chteniya/Diskussiya>).
- Ливен Д. (2007) *Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI v. do nashih dney* [Russian Empire and its enemies from the XVI century to the present day]. Moscow: Evropa.
- Мартин Т. (2001) *The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Миллер А. (2012) *Istoriya ponyatiya natsiya v Rossii* [History of the concept of “nation” in Russia] // *Otechestvennie zapiski*, no. 1 (<http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>).
- Мотил А. (2004) *Puti imperiy: upadok, krah i vrozozhdenie imperskiy gosudarstv* [Ways to empires: decline, collapse and revival of imperial states]. Moscow: MSHPI.
- Пайн Е.А. (2004) *Mezhdru imperiy i natsiy* [Between empire and nation]. Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Растов Д.А. (1996) *Perehodi k demokratsii: popitka dinamicheskoy modeli* [Transitions to democracy: attempt a dynamic model]. *Polis*, no. 5.
- Сергеев С. (2010) *Vosstanovlenie svobody. Demokraticheskiy nacionalizm dekabristov* [Restoring freedom. Democratic nationalism Decembrists] // *Voprosi nacionalizma*, no. 2, pp. 78–116 (http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8624-vosstanovlenie-svobody.html).
- Шиropaев А. (2014) *Ob Ukraine i istoricheskikh svyazyah. Russkaya Fabula* [About Ukraine and historical ties. – Russian plot] (<http://rufabula.com/articles/2014/01/31/about-ukraine-and-historical-ties>).
- Соловьев В.С. (1901) *Nacionalniy vopros v Rossii. Vip. 1. 1883–1888* [Questions of nationalism in Russia]. Solovjev V.S. *Sobranie sochineniy* [Works] T. V 1883–1897. St. Petersburg: Izdanie tovarischestva Obschestvennaya polza, pp. 1–137.
- Вортман Р. (1999) *Ofitsialnaya narodnost i nacionalniy mif rossiyskoy monarhii XIX veka* [“Official nationality” and the national myth of the Russian monarchy XIX century]. *ROSSIYA/RUSSIS Vip.3 Kulturnie praktiki i ideologicheskije perspektivi* [RUSSIA / RUSSIS Vol.3 cultural practices and ideological perspectives] Moscow: OGI. Pp. 233–244.
- Зюганов Г. (1994) *Drama vlasti* [Drama of power]. Moscow: Paleya.